

## А. РАЙНАХ И Н.Н. АЛЕКСЕЕВ: У ИСТОКОВ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПРАВА

*Аннотация: Статья посвящена осмыслению истоков феноменологии права. В качестве исходного пункта анализа были избраны феноменологические концепции Н.Н. Алексеева и А. Райнаха. В результате автор приходит к выводу, что философско-правовой подход Н.Н. Алексеева представляет собой синтез феноменологических идей с русской философией всеединства, в то время как философия А. Райнаха построена на Гуссерлевской дихотомии смысловой и эмпирической реальностей.*

*Ключевые слова: феноменология, всеединство, эйдос, правомочие, правообязанность, правовая ценность, социальный акт, требование, обязательство, правовой феномен.*

**Н.** Н. Алексеев по праву считается одним из самых выдающихся русских философов права XX века. Причиной тому явился, прежде всего, его оригинальный подход к праву, осуществленный на базе феноменологии Э. Гуссерля. Итогом феноменологических разысканий Н.Н. Алексеева стали опубликованные в 1924 г. в Праге «Основы философии права»<sup>13</sup>.

Необходимо отметить, что в 20-е годы прошлого столетия феноменология права была слабо разработанной дисциплиной. Как известно, родоначальник данного направления Э. Гуссерль мечтал о том, чтобы феноменология стала универсальной методологией науки. Соответственно он, как «верховный сеньор», выделял самым талантливым ученикам своеобразные «надёлы»: М. Хайдеггер был ответственен за внедрение

феноменологии в религиозную философию, Р. Ингарден – в эстетику, Л. Ландгребе – в естественные науки, О. Финк – в науки о духе. Правоведение досталось на долю талантливого молодого немецкого философа права Адольфа Райнаха.

Однако вследствие его трагической гибели в ходе I Мировой войны (1917) феноменология права к началу 20-х годов XX века ограничивалась лишь одним фундаментальным трудом – «Априорными основаниями гражданского права» (1913)<sup>14</sup>. Сколь А. Райнах не оставил «прямых наследников» в виде учеников, «лен» оказался свободным и был дарован Э. Гуссерлем двум, возможно, самым дорогим для него людям – его ассистентке Эдит Штейн (которой он вполне серьезно советовал выбрать себе мужа из круга его учеников с тем, чтобы

<sup>13</sup> Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб: Издательство «Лань», 1999. – 256 с.

<sup>14</sup> Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – С.153-327

их будущий сын стал феноменологом)<sup>15</sup>, а также своему сыну – Герхарту Гуссерлю. В качестве подобной «феодалной повинности» в 1924 г. вышла работа Э. Штейн «Исследование о государстве» и Г. Гуссерля «Сила права и его действительность» (1925). Однако данные труды не оказали сколь-нибудь значительного влияния на развитие феноменологической философии права, оставшись известными лишь узкому кругу историков правовой феноменологии<sup>16</sup>.

Таким образом, можно констатировать, что в начале-середине 20-х годов XX столетия феноменология права пребывала, по сути, в зачаточном состоянии. Тем более удивительно, что самая значительная на то время работа в этой области была написана не немецкими правоведами, а представителем русской философии права – Н.Н. Алексеевым.

Переходя к характеристике феноменологического подхода Н.Н. Алексеева, прежде всего, следует отметить то, что в его «Основах...» был осуществлен оригинальный синтез философско-методологических идей феноменологии Э. Гуссерля и русской философии. Речь идет, разумеется, о философии всеединства.

Можно сказать, что философия всеединства представляла собой своеобразное «лицо» русской философии конца XIX-XX веков. Имея своей прасновой работы славянофилов (прежде всего, И.В. Киреевского и А.С. Хомякова) она достигла своего наивысшего воплощения в философии В.С. Соловьева<sup>17</sup>. Их идеи и стали той оригинальной «русской» почвой, на которую Н.Н. Алексеев высадил ростки новомодной «западной» феноменологии. И в этом видится особое «онтологическое» продвижение им феноменологической философии в целом.

Как известно, в середине 20-х г.г. XX века основными упреками в адрес Э. Гуссерля были «непрояснение способа бытия интенционального акта в целом и упущение вопроса о смысле бытия как такового» (М. Хайдеггер)<sup>18</sup>. В силу этого, любой философ, который желал строить свое разыскание на методологической базе феноменологии должен был обосновать свою позицию онтологически: какой бытийный статус имеют его построения, как они существуют помимо сознания субъекта? В противном случае его конструкции рисковали оказаться

всего лишь «трансцендентально-феноменологическими спекуляциями».

Данное возражение оказалось особенно значимым для права. Как известно, господствовавший в начале XX века в правоведении позитивизм объявил «вне закона» любое право помимо закона. Таким образом, всякому исследователю, который пытался обосновать выходящее за рамки закона право, следовало тщательно подготовить ответ на вопрос о способе укорененности такого права в действительности, причем не в качестве субъективного содержания сознания отдельного субъекта, но в качестве общезначимого феномена, доступного для всех. При этом в указанный нами период такой ученый либо философ не мог опереться и на какие-либо исследования «мэтра»: соответствующие работы Э. Гуссерля (в которых была разработана концепция жизненного мира и интересубъективности) появились лишь в середине 30-х годов XX в.<sup>19</sup> Поэтому далее мы постараемся рассмотреть специфику подхода Н.Н. Алексеева к решению указанных проблем.

Русский правовед отталкивается от того, что право первично локализовано отнюдь не в законе и не в субъективности субъекта. Полем феноменологии права является для него мир в целом. Согласно позиции Н.Н. Алексеева философия по существу своему всегда есть мирозерцание, то есть интуиция *мирового целого как целого* (курсив мой – А.С.). Такая интуиция включает в себя не только постижение мира, но и постижение судеб познающего этот мир человека, его места в мире и его отношения к миру<sup>20</sup>. Следовательно, и философия права не может рассматривать право вне этого общемирового целого. При этом такое Целое – это не безличный гегелевский Абсолют. Мировое Целое неизбежно включает в себя и индивидуальное человеческое начало, не растворяя, но сохраняя его. Мир в его целом есть не только всеобщее. В мире существуют также явления конкретные, чисто единичные и индивидуальные. Тот, кто хочет обнять мир в его целостности, обязан принять во внимание и то, что не определяется всеобщим. Мир есть не только идея, но и эмпирический факт<sup>21</sup>. Таким образом, право в подходе Н.Н. Алексеева предстает как то, что позволяет учесть индивидуально-особенное, эмпирическое в его своеобразии, а с другой стороны

<sup>15</sup> Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. – М.: Молодая гвардия, Серебряные нити, 2002. – С.120

<sup>16</sup> Loidolt S. Einführung in die Rechtsphänomenologie. – Tübingen: Mohr Siebek, 2010. – S.111-121, 183-201

<sup>17</sup> Н.О. Лосский. История русской философии. - М.:Советский писатель, 1991.- С.16 и далее

<sup>18</sup> Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998. – С. 124 и далее

<sup>19</sup> См. напр.: Гуссерль Э. Картезианские медитации // Логические исследования. Картезианские медитации. – М.: АСТ, 2000. – С. 289-524; Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: «Владимир Даль», 2003. – 399 с.

<sup>20</sup> Алексеев Н.Н. Указ. соч. С.43

<sup>21</sup> Там же С.42

– привести все это к общему знаменателю, отыскать ему место в Целом мира.

Здесь становится очевидным оригинальное соединение Н.Н. Алексеевым феноменологии Э. Гуссерля и русской философии всеединства. По словам русского правоведа, феноменология для него есть, прежде всего, интуиция всеобщего, способ вчувствоваться и вмыслиться в идеи<sup>22</sup>. Здесь сразу вспоминается стремление И.В. Киреевского «найти тот внутренний корень разума, где отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума»<sup>23</sup>. Поиск Н.Н. Алексеевым права в контексте мирового Целого необходимо заставляет вспомнить постулат В.С. Соловьева о том, что «ни одно внешнее явление не может существовать и быть познано вне его необходимых отношений к другим явлениям и тому, кому оно является»<sup>24</sup>. Таким образом, импликация в преимущественно феноменологическом подходе Н.Н. Алексеева русской философии всеединства обеспечивает ему тот методологический фундамент, который позволяет превзойти трансцендентальную субъективность и метафизичность феноменологии, не впадая ни в обезличенный диалектизм Гегеля, ни в плоскость позитивистского подхода.

Итак, право рассматривается Н.Н. Алексеевым в контексте мирового Целого, всеединства всего сущего, как укорененное в этом целом. Однако что есть право? О чем, собственно, идет речь? Ответ на такие вопросы была призвана дать феноменология. Отправной точкой для подобного разыскания является данность феномена (в нашем случае – феномена права) в сознании. Как указывает в связи с этим Н.Н. Алексеев, исходно существует какая-то особая область правовых фактов или правовых феноменов, как некоторых первоначальных правовых данностей<sup>25</sup>.

Однако просто зафиксировать данность феномена права в сознании конечно, недостаточно. Как известно, феномен феноменологии распадается на ноэму (собственно «что», смысловое ядро восприятия) и ноэзис, т.е. «как» данности ноэмы сознанию (в непосредственном восприятии, в воображении, воспоминании и пр.)<sup>26</sup>. При этом способ данности (ноэзис) является конститутивным для ноэмы. Иными словами, прежде чем спросить, «что есть» та или иная ноэма (содержание

акта сознания), необходимо спросить «как» она попала в сознание. Ведь собственный пафос радикальной феноменологии и состоял в том, чтобы редуцировать все феномены, «прокравшиеся» в сознание эмпирическим путем и таким образом достичь беспредпосылочного, аподиктически достоверного знания. Только прошедший редукцию феномен допускается к извлечению из него эйдоса (ноэмы).

Решая указанную проблему, Н.Н. Алексеев вводит концепцию признания права. Под признанием отнюдь не понимается рационального эмпирического акта – в таком случае он подлежал бы заключению в скобки в ходе редукции. Как можно заключить, русский феноменолог под признанием понимает способность интуитивно переживать внутренний смысл данного в сознании явления (в нашем случае права)<sup>27</sup>. В результате феноменологического анализа этого интуитивного переживания феномен права предстает перед нами как некая исходная и далее неразложимая структура. Однако в отличие от логически-позитивистской конструкции, которая должна быть выражена в соответствующем определении, феноменологическая структура права есть не формально-логический, но смысловой феномен, а потому его надлежит не *определять*, но *описывать*. Ведь любое определение по своей сути, не *дескриптивно*, но *прескриптивно*, предписывая всей множественности явлений, какими им следует быть. Следовательно, как указывает по этому поводу А. Райнах, признаком философской необразованности является требование дефиниций там, где они невозможны, или не могут что-либо дать<sup>28</sup>. По словам Н.Н. Алексеева, чтобы уяснить сущность воззрения на многомерную природу права, нужно вообще покинуть почву определений. Взамен определений следует дать описание правовой структуры в её основных данностях. Феноменальная структура права предстает перед нами как единство нескольких измерений<sup>29</sup>.

Н.Н. Алексеев выделяет три элемента структуры права. Первый – субъект как носитель обнаруживаемых в праве ценностей. Субъект мыслится как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности – в частности, актов признания. Ценности только тогда становятся живыми и реальными, когда они находят живого носителя. «Обладать признанием» для субъекта означает пребывание в актах признания, «жизнь в деятельности признания», выполнение её, переживание и созерцание. Второй элемент – ценности. Третье – те определения, которыми характеризуются специфическое правовое отношение ценностей между собой и, кроме того, меж-

<sup>22</sup> Там же С.41

<sup>23</sup> Н.О. Лосский. История русской философии. - М.: Советский писатель, 1991. - С.16-17

<sup>24</sup> Там же, С.108

<sup>25</sup> Алексеев Н.Н., указ. соч. С.53

<sup>26</sup> Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С.210 и далее

<sup>27</sup> Алексеев Н.Н., указ. соч. С.71

<sup>28</sup> Райнах А. указ. соч. С.232

<sup>29</sup> Алексеев Н.Н. указ. соч. С.73

ду ними и их носителем. Основные такие определения – «правомочие» и «правообязанность»<sup>30</sup>.

Здесь вновь в полной мере проявляется специфика подхода русского правоведа, заключающаяся в синтезе феноменологических идей с философией всеединства. Так, с одной стороны, выделение правомочия и правообязанности сразу же вызывает параллели с отмеченными А. Райнахом в качестве априорных правовых структур требованием (Anspruch) и обязательством (Verbindlichkeit)<sup>31</sup>. С другой стороны, апелляция к ценностям как смысловому ядру права заставляет вспомнить постулат И.В. Киреевского об общих ценностях как основе единения людей<sup>32</sup>. Вместе с тем близость конструкций Н.Н. Алексеева построениям А. Райнаха диктует необходимость более детально остановиться на изложении позиции последнего с тем, чтобы четко разграничить специфику феноменологических подходов русского и немецкого правоведов.

Как известно, А. Райнах являлся сторонником «реалистической феноменологии»: не удовлетворившись замыканием феномена в рамках трансцендентально редуцированного сознания, которое было осуществлено Э. Гуссерлем в «Идеях I» (1913), он старается сохранить феноменологический посыл «*Zu den Sachen selbst*», провозглашенный основателем феноменологии в «Логических исследованиях». Тем самым для А. Райнаха, как и для Н.Н. Алексеева чрезвычайно важным является осмысление онтологии права: как существует «само право»? По мнению немецкого правоведа, те образования, которые принято называть специфически правовыми обладают бытием, также как числа, деревья или дома; это бытие независимо от того, постигается оно людьми или нет; что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права<sup>33</sup>.

Однако, что же это за бытие? Идеальное бытие природного права? Как отмечает австрийская исследовательница С. Лойдольт, А. Райнах отстаивает независимость своих построений от права естественного: он открывает поле «чистых правовых закономерностей, которые во всех смыслах существуют независимо от «природы»: независимо от человеческого познания, от организации человека, а прежде всего, независимо от всякого фактического развития мира»<sup>34</sup>. Сам немецкий феноменолог предварительно указывает, что в отношении правовых образований значимы априорные

положения. Эта априорность не должна означать чего-то неясного и мистического, но ориентирована на те простые факты, о которых мы упоминали выше: любое положение дел, которое является всеобщим в указанном смысле и существует необходимым образом, является априорным<sup>35</sup>. При этом априорность отнюдь не следует понимать в Кантовском смысле, как «категорический императив», не имеющий эмпирических корней и понимаемый как безусловное руководство к осознанному действию. Также это и не предписание позитивному праву соответствовать праву естественному. По мнению А. Райнаха, позитивное право может как угодно отклоняться от существенных закономерностей, которые значимы относительно правовых образований. Мы утверждаем только одно – но этому мы придаем особую весомость: так называемые специфически правовые фундаментальные понятия обладают бытием вне области позитивно-правового, также как числа обладают бытием вне зависимости от математической науки<sup>36</sup>. Следовательно, под априорностью немецкий феноменолог понимает те существенные закономерности, которые имманентно присущи праву и каковые обязательны для законодателя не в силу каких-то «высших моральных требований», но вследствие объективного смыслового содержания того или иного правового феномена. Так, например, законодатель в состоянии сделать договор дарения или купли-продажи реальным или консенсуальным, однако никто не в силах превратить первый из них в возмездный, а второй – в безвозмездный.

Тем самым априорные основания права представляют собой отнюдь не отвлеченные аксиомы, а нечто, что всегда уже значимо для позитивного права, причем не в силу «ценностных оснований», как у Н.Н. Алексеева, но необходимым образом, «объективно». Как указывает сам А. Райнах, правовые образования существуют независимо от позитивного права, но они предполагаются и используются этим правом. Поэтому их анализ, чисто имманентное, интуитивное прояснение их сущности может иметь значение для позитивно-правовых дисциплин. Но и законы, которые коренятся в их сущности, играют в позитивном праве гораздо большую роль, нежели склонны полагать<sup>37</sup>.

Возвращаясь собственно к онтологии права необходимо отметить, что согласно А. Райнаху бытие права независимо не только от права позитивного, но и от бытия природы, т.е. права естественного. Он открывает поле «чистых правовых закономерностей, которые во всех смыслах существуют независимо от «природы»:

<sup>30</sup> Там же, С.74-75

<sup>31</sup> Райнах А. Указ.соч. С.161

<sup>32</sup> Лосский Н.О. Указ. соч. С.24

<sup>33</sup> А. Райнах, указ. соч. С. 156

<sup>34</sup> Loidolt S. указ. соч. С.83

<sup>35</sup> А. Райнах, указ. соч. С.157

<sup>36</sup> А. Райнах, указ.соч., с.158

<sup>37</sup> А. Райнах, указ. соч. с.159

независимо от человеческого познания, от организации человека, а прежде всего, независимо от всякого фактического развития мира»<sup>38</sup>. Для немецкого философа права «реальны», прежде всего, правоотношения, где одна сторона обладает требованием, а другая несет обязательства. Сущностно соразмерный исток подобных отношений локализован в специфических образованиях, которое получили наименование «социальных актов». Таковыми являются акты, которые направлены на Другого либо предполагают его внимающее участие<sup>39</sup>.

Разновидностью социального акта является обещание, которому соразмерно его сущности соответствуют требование и обязательство. Тем самым А. Райнах открывает собственную сферу, где о праве говорится не как о позитивно установленной норме, но как о «правовом образовании», которое обладает определенной сущностью. Подобным образом он обосновывает априорное учение о праве, согласно которому возможно установить элементарные законы существования правовых образований, которые независимы от позитивного права<sup>40</sup>. При этом, как под требованием, так и под обязательством не следует понимать чего-то психологического, эмоций, переживаний. Как указывает А. Райнах, когда человек спит, либо находится без сознания, ни требование, ни обязательство никуда не исчезают, хотя человек при этом ничего не испытывает. Отбрасывая психологическую трактовку данных феноменов, немецкий правовед определяет их содержание, указывая, что «... требование и обязательство всеобщим и необходимым образом предполагает носителя, лицо, чьим требованием и обязательством они являются. И точно также для них существенно определенное содержание, к которому они относятся и различие которого отличает друг от друга требования и обязательства разного рода... Содержание требования и обязательства также можно определить более точно. Любое обязательство заключается в будущем действии его носителя»<sup>41</sup>.

Здесь вновь особенно четко проявляется отличие позиции немецкого феноменолога от построений Н.Н. Алексева. Как мы уже говорили, русский правовед также выделяет лицо как элемент онтологической структуры права. Однако если у него персона выступает как носитель ценностей, то у А. Райнаха это субъект спонтанного действия. Кроме того, если у Н.Н. Алексева конститутивным для феномена права является воплощение определенных ценностей в ходе акта признания, то для

немецкого ученого право есть априорное образование, которое не нуждается ни в каком признании и является самодостаточным. При этом если русский феноменолог рассматривает правовые ценности как *вневременные*, то у А. Райнаха связь феномена права с бытием характеризуется посредством *темпоральности*.

Так, в отличие от чисел, понятий, положений, существенной особенностью которых является их вневременной характер, требования и обязательства, напротив, появляются, длятся в течение определенного периода времени и затем исчезают. Поэтому, заключает А. Райнах, они суть темпоральные предметы совершенно особого вида, на который раньше не обращали внимания<sup>42</sup>. С другой стороны, как мы уже указывали ранее, содержанием требования и обязательства является *будущее* действие. Тем самым на первый взгляд, для права его собственная временность открывается как *будущее*, в котором априорность требования и обязательства сопрягается с реальной действительностью.

Однако здесь мы встречаемся с парадоксальным явлением. Сбываясь в будущем, требование и обязательство одновременно тем самым прекращаются, исчезают. Реализация правового требования и исполнение обязательства означают исчезновение права. Тем самым право не может быть укоренено ни в настоящем – сколь оно ожидает «будущей реализации», ни в будущем, сколь его наступление означает прекращение требования и соответствующего ему обязательства.

Выход из данной апории немецкий правовед видит в поисках оснований права. В отличие от Н.Н. Алексева, для которого таковыми являются ценности, усваиваемые субъектом в акте признания, для А. Райнаха онтологическое основание права коренится в эмпирической реальности определенного рода события. По его словам, ни одно требование и ни одно обязательство не начинает существовать без «основания» и не прекращается без такого основания. Если требование возникает или теряет силу, *то в тот момент, в который это имеет место*, должно происходить нечто, из чего и благодаря чему оно возникает. Всякий раз, когда вновь происходит то же событие, должно возникать (терять силу) и соответствующее требование. Оно необходимым и достаточным образом *детерминируется* этим событием<sup>43</sup> (курсив мой – А.С.).

<sup>42</sup> Райнах А., указ. соч. с. 162

<sup>43</sup> Райнах А., указ.соч., с.169. Справедливости ради следует заметить, что А. Райнах устраняет один парадокс другим: а именно вне(временность) права детерминацией его, как априорного образования, эмпирическим событием социального акта (обещания и пр.). С другой стороны, возможным возражением со стороны А. Райнаха могло бы послужить то, что событие лишь порождает определенные правовые образования,

<sup>38</sup> Loidolt S., указ.соч. с.83

<sup>39</sup> А.Райнах, указ.соч. с.176

<sup>40</sup> Loidolt S. указ.соч. с.81

<sup>41</sup> Алексеев Н.Н., указ.соч. с.165

Отсюда можно предположить, что темпоральность права тождественна темпоральности события, являясь при этом не линейной, но точечной<sup>44</sup>. Правовые же образования при этом существуют в своеобразной временной петле, составленной правопорождающим и правопре-  
кращающим событиями (тем, что на онтическом уровне классическая правовая наука именуется юридическими фактами). Однако дальнейший анализ данной проблемы выходит за рамки нашего исследования.

Тем самым при всех внешних аналогиях правовых структур позиции Н.Н. Алексеева и А. Райнаха содержат существенные отличия. Если для последнего правовые образования, имманентно содержащие априорные правовые смыслы, порождаются *социальными актами*, то для русского правоведа только *идея целого* и вытекающая из неё необходимость могут объяснить загадочное и удивительное явление абсолютной этической и правовой связи. Каким образом чисто «фактически» и «природно» может быть связан «всякий» и «каждый»? Нельзя отдать приказ всем, даже еще не родившимся, и приказом этим связать их всех. Ведь многие из них даже не будут знать этого приказа, и фактически не знают его. Как возможно между ними автоматическое сцепление? Но достаточно допустить, что сцепление не автоматически, но идеально, что в общем историческом этосе все живут членами единого целого – и станет понятным, почему каждый обязан. Такова логика идей, на которых построена жизнь права<sup>45</sup>.

Подводя итоги, можно заключить, что работа Н.Н. Алексеева стала на то время настоящим прорывом в феноменологии права. Вместе с тем сейчас, с временной дистанции почти в столетие, в концепции права русского феноменолога можно увидеть и ряд спорных моментов. Прежде всего, следует отметить внеисторичность

и атемпоральность его подхода. Усмотрение идеального содержания правовых феноменов не позволяет объяснить, каким образом то, что «вчера» считалось неправом, «сегодня» уже является таковым, равно как и наоборот.

Также в рамках представлений Н.Н. Алексеева о праве как «интуитивно обязывающем каждого члена единого целого» невозможно обосновать, как вообще возможна ситуация правового спора: ведь зачастую все стороны правовой ситуации *искренне* интуитивно уверены именно в *своей* правоте, которая отрицает(ся) правоту (ой) Другого. При подобном подходе объективным критерием может служить лишь решение суда, которое, однако, есть эмпирический факт усмотрения судьи. Однако в таком случае аннигилируется весь пафос превосходения эмпирической действительности посредством феноменологической редукции и вычленения эйдетических правовых структур.

Кроме того, утверждая, что философский поиск в целом и философско-правовой в частности необходимо связан с постижением судьбы познающего этот мир человека, его места в мире и его отношения к миру, Н.Н. Алексеев так и не раскрывает, как возможно суждение об уникальной и неповторимой судьбе на основании права. В его философии право предстает не как судьба, но скорее как «рок», связующий человека интуитивным усмотрением сущности права, которое в идеале должно быть общим для всех и, следовательно, не оставляет пространства для выбора. Иными словами Н.Н. Алексеев, желая создать «учение о предустановленной правовой гармонии», так и не учитывает присущего всякой правовой ситуации момента спорности, раздора, возможность которого является всеобъемлющим универсальным горизонтом правовой действительности.

---

и затем утрачивает над ними власть, уступая её априорным законам, имманентным данным образованиям.

<sup>44</sup> Более подробно о темпоральности события применительно к праву см.: Стовба А.В. Правосудие: процесс, событие, происшествие? Каузальные ряды вины и приговора// Российский ежегодник теории права. - №1. – 2008. – С.84-98

<sup>45</sup> Алексеев Н.Н. Указ. соч., с.159